

УДК 94(47) «1917/1991»
DOI 10.25688/2076-9105.2019.33.1.07

Ф. К. Ярмолич

Частный взгляд на окружающую действительность (на материалах протоколов собраний первичных партийных организаций культурно-просветительных учреждений Ленинграда 1950-х годов)

В статье на основе протоколов партийных собраний ряда ленинградских учреждений культуры изучаются взгляды ленинградцев на политические, социальные и бытовые проблемы 1950-х годов. Обсуждая политические вопросы, обыватель высказывал свое мнение, которое не всегда оказывалось созвучным установкам власти. До 1956 года свобода в выражении мыслей человека в социальном пространстве была ограничена. После XX съезда КПСС общественный диалог стал более свободным. Вместе с политическими темами на партийных собраниях ленинградцы обсуждали и другие актуальные проблемы: высокие зарплаты начальников, религиозные вопросы и воспитание молодежи. В целом взгляды рядовых жителей Ленинграда на эти вопросы позволяют в ином ракурсе увидеть социальные процессы в СССР.

Ключевые слова: коммуникация; протокол; партийное собрание; разговор; обыватель.

Проводимые на протяжении 1950-х годов политические и экономические преобразования в СССР, безусловно, отразились как на советском обществе, характерной чертой которого становится общая демократизация и повышение жизненного уровня, так и на человеке, у которого появилась определенная внутренняя свобода, выразившаяся в стремлении обсуждать окружающую его действительность не только с близкими людьми, но и в общественном пространстве. Вопросы изменения структуры массовой коммуникации, происходившие на протяжении 1950-х годов, в исторической литературе изучены подробно [1; 3–6], однако все еще в недостаточной степени исследованы взгляды конкретных людей на внутривнутриполитическое развитие страны и социально-бытовые вопросы. Этим аспектам и будет посвящена статья.

В стремлении понять частное мнение обывателя на окружающую его реальность, оказываешься в ситуации, близкой к той, которую описал А. Я. Гуревич в своей книге «Проблемы средневековой народной культуры»: «идеологам феодального общества удалось не только оттеснить народ от средств

фиксации его мыслей и настроений, но и лишить исследователей последующих времен возможности восстановить основные черты его духовной жизни. “Великий немой”, “великий отсутствующий”, “люди без архива и без лица”, — так именуют современные историки народ в эпоху, когда для него был закрыт непосредственный доступ к средствам письменной фиксации культурных ценностей» [2: с. 18].

Конечно, по сравнению со средневековой эпохой советское время предоставило человеку определенные возможности сохранить для истории свое мнение об окружающей его действительности, но даже в XX веке обыватель в большинстве своем оставался «немым» для историка.

И это несмотря на то, что советский период истории России оставил для исследователей множество документов, благодаря которым можно изучить политическую, экономическую, социальную и другие сферы жизни советского государства и общества, однако этот колоссальный массив источников содержит очень мало информации, отражающей взгляды человека на окружающую его реальность.

Одним из исторических источников, позволяющих приблизиться к пониманию содержания коммуникационного пространства, является мемуарная литература. Но она лишь частично позволяет воссоздать атмосферу и дух времени и практически не содержит примеров массовой коммуникации. Конечно, на страницах дневников или мемуаров приводятся разговоры, в которых авторы участвовали или являлись их свидетелями, но подобные диалоги эпизодичны, их содержание корректируется в зависимости от времени создания и особенностей личности составителя.

Узнать точку зрения человека на происходящие в стране события позволяет такой вид источника, как протокол собрания первичной партийной организации. В зависимости от формата собрания — открытого или закрытого — составлялся и соответствующий протокол. Первый вид документа свидетельствует о том, что на партийном собрании присутствовали не только члены партии, но и комсомольцы, беспартийные. Второй — подчеркивает то обстоятельство, что на собрании присутствовали только коммунисты.

Несмотря на вид протокола, его структура была однотипной и состояла из шапки, в которой указывался вид протокола (закрытый или открытый), номер и дата составления, количество присутствующих членов КПСС, фамилии председателя и секретаря собрания. Ниже в графе «Повестка дня» прописывалось количество и название вопросов, которые следует рассмотреть собранию. Каждый рассматриваемый вопрос из повестки дня состоял из трех разделов: «Слушали» — основной доклад; «Прения» — выступления участников собрания; «Постановили» — общее решение собрания по рассмотренному вопросу.

Протоколы собраний, в отличие от других видов документов (отчетов, докладных записок, справок), в определенной степени можно считать уникальным видом

источника, поскольку вместе с производственными вопросами, они сохранили высказывания конкретных людей на происходившие события и явления.

Конечно, страницы протоколов собраний довольно часто не отражают истинного мнения обывателя. Высказываясь на собрании, выступающие понимали, что их стенографируют или записывают, поэтому часть из них, не желая выделяться, повторяла точку зрения, высказанную в докладе или стремилась занять нейтральную позицию, другие же, значительно меньшая часть участников собрания, высказывалось более открыто.

Приступая к написанию статьи, автор изучил протоколы партийных собраний за 1950-е годы следующих учреждений культуры: Управления по делам искусств Исполкома Ленгорсовета, Управления культуры Леноблисполкома, Государственного Эрмитажа, Государственного Русского музея, Государственного большого драматического театра им. М. Горького, Ленинградского театра комедии, ЦПКиО им. С. М. Кирова, дворцов-музеев и парков г. Петрограда, Дома культуры Промкооперации, Выборгского Дома культуры, ДК им. А. М. Горького, Ленинградского отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

Проведенный анализ показал, что в протоколах собраний указанных культурно-просветительских организаций значительное место занимали производственные и кадровые вопросы, информации относительно внутренней политики и социально-бытовых вопросов значительно меньше. Более того, большая часть выступающих на партийных собраниях солидаризировалась с точкой зрения основного докладчика и не стремилась обозначить свою позицию. В силу этих обстоятельств переходить к широким обобщениям, основываясь на ниже публикуемом материале, было бы не совсем уместно, он лишь показывает точку зрения конкретного человека, которая, впрочем, позволяет увидеть частные взгляды на реальность советского (как считают некоторые историки однородного) общества.

Если рассматривать историю Советского Союза с точки зрения отдельных людей из сферы культуры, то она приобретает несколько иную конфигурацию, отличную от той, которая выстраивается при изучении СССР с позиции анализа структуры власти, механизма взаимоотношения государственных институтов и общества и т. д.

Например, сложная политическая ситуация начала 1950-х годов, особенно в Ленинграде, связанная с ленинградским делом, соседствует с обсуждением ленинградцами на заседании партийного бюро Выборгском ДК в 1950 году вопроса о репрессиях 1937 года, который возник при обсуждении снятия выговора с сотрудника Дома культуры С. И. Есипова.

К сожалению, рассказ о причинах наложения на Сергея Ивановича наказания стенографистом зафиксирован неточно, поэтому в ряде случаев смысл текста несколько туманен, но идею все же понять можно. Из повествования

С. И. Есипова становится ясно, что в 1930-е годы он работал комиссаром (какой именно государственной структуры в протоколе не указано) в строительной сфере и стремился помочь арестованным и заклеенным как враги народа инженерам.

После прочтения секретарем собрания биографических сведений о Сергее Ивановиче в его адрес последовали вопросы. Один из них задал Н. В. Чмутин. Он поинтересовался, действительно ли инженеры были врагами народа? На столь прямой вопрос последовал однозначный ответ: «Инженеры не были врагами народа». Самое интересное, что после подобного ответа собрание партийной организации постановило: «Просить РК ВКП (б) снять выговор с Сергея Ивановича Есипова» (ЦГАИПД СПб¹. Ф. 2170. Оп. 4. Д. 7. Л. 4 — протокол № 2 партбюро Выборгского Дома Культуры от 30 января 1950 года).

В 1955 году в повестке дня заседаний партийных организаций культурно-просветительных учреждений Ленинграда появилась новая тема из большой политики — ленинградское дело. В частности, ее обсуждали сотрудники ЦПКиО им. С. М. Кирова. Так, на заседании партийного собрания работником парка Спириным был поставлен вопрос: «В чем заключается ленинградское дело?» Правда, на него ответа не последовало.

Возможно, уловив нежелание докладчика и руководителя собрания отвечать на вопросы о ленинградском деле, другой участник собрания — Гитман — высказал свое мнение по этому сюжету: «что касается так называемого “Ленинградского дела”, то мне кажется, что ЦК КПСС должен заняться выяснением роли тов. Андрианова, который в то время возглавлял Ленинградскую партийную организацию и сообщил в ЦК КПСС тенденциозные сведения. Ответственность должны за это нести также гг. Козлов и Казьмин, которые работали вместе с т. Андриановым» (ЦГАИПД СПб. Ф. 3527. Оп. 5. Д. 4. Л. 6–6 об. — протокол № 11 закрытого партийного собрания ЦПКиО имени С. М. Кирова от 7 марта 1955 года).

Подобные случаи акцентирования внимания на «неудобных», с точки зрения власти, вопросах из политической повседневности все же относились к единичным, поскольку формирование политической повестки дня и расставление в ней акцентов оставалось за центральными органами власти, а желание человека обсудить тот или иной вопрос из политической жизни страны не учитывалось. Невозможность обсуждать актуальные для обывателя политические вопросы на партийных собраниях приводила к тому, что часть сотрудников культурно-просветительных учреждений включали в политическую проблематику бытовые, рабочие и иные вопросы из своей жизни.

Примером сплетения политической и повседневной тематики выступает обсуждение ареста Л. П. Берия на закрытом партийном собрании партийной

¹ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.

организации Государственного Русского музея. Арест Лаврентия Павловича не предполагал каких-либо дискуссий на местах, поэтому все присутствующие единодушно поддержали решение ЦК. Но, воспользовавшись предоставленной коммуникационной площадкой, участники собрания высказывались по совершенно другим проблемам из жизни музея.

В частности, Корецкий обратил внимание присутствующих на ряд трудностей: во-первых, неудовлетворительное изучение теории марксизма-ленинизма сотрудниками музея; во-вторых, существующую дистанцию между теорией и практикой в музейной работе; в-третьих, подчеркнул необходимость коллективного управления музеем.

На другой спектр проблем в жизни музея указала Лебедева. Она обратила внимание собравшихся, что из Русского музея пропадают картины. Одна из причин этого, по мнению выступающей, являлась слабая работа охраны и отсутствие со стороны милиции мероприятий, направленных на обеспечение безопасности музейного комплекса.

Радикальней о ситуации с картинами высказалась Мишукова, которая в своем выступлении прямо назвала исчезновение картин кражами. Она обратила внимание присутствующих на случай, когда художественное полотно было снято с подрамника, что требовало специальных знаний и значительного времени у похитителей, а это уже бросало тень подозрений на сотрудников музея (ЦГАИПД СПб. Ф. 4406. Оп. 5. Д. 1. Л. 65–67. Протокол № 2 закрытого партийного собрания партийной организации Государственного Русского музея от 15 июля 1953 года).

Примером вплетения бытовых вопросов в политическую проблематику стало письмо ЦК КПСС местным партийным организациям от 29 июня 1957 года о деятельности антипартийной группы Л. М. Кагановича, Г. М. Маленкова, В. М. Молотова.

Обсуждая его, участники закрытого партийного собрания Областного управления культуры Леноблсполкома 5 июля 1957 года полностью согласились с мнением партии и осудили членов «антипартийной группы», а также поддержали внутреннюю и внешнюю политику Н. С. Хрущева. Из череды выступлений, одобряющих решения Центрального комитета, выбивается реплика А. Я. Новикова, который обратил внимание присутствующих на необходимость позаботиться о жилье для сотрудников и больше критиковать работу собственных начальников: «наша вина в том, что мы мало критикуем начальников. Если бы их больше критиковали было бы лучше» (ЦГАИПД СПб. Ф. 6539. Оп. 2. Д. 4. Л. 39. Протокол № 7 общего закрытого собрания членов и кандидатов КПСС партийной организации областного Управления культуры от 5 июля 1957 года).

Исключением из правила политической коммуникации — когда власть формировала проблемное поле — стало обсуждение деятельности И. В. Сталина после XX съезда КПСС. В ряде случаев дискуссия о личности Иосифа Виссарионовича и его роли в жизни СССР выходила за границы, предусмотренные властью.

Примером подобного явления может послужить протокол № 1 открытого партийного собрания коммунистов Управления культуры Леноблсполкома от 19 июля 1956 года. При обсуждении Постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» в большинстве своем И. В. Сталин осуждался и ряд выступающих полностью поддерживали линию ЦК. Вместе с этим высказывались и отличные от общей политической линии точки зрения.

Например, Алешин утверждал, что «есть Сталинские цитаты, которые будут долго жить, которые полезны, надо стремиться к повышению политической грамотности читателей, чтобы они сами могли понимать, чем можно пользоваться и чем нельзя». А. И. Новиков отметил, что «заслуги Сталина бесспорно немалы», но тут же указал, что «культ Сталина привел к тяжелым последствиям». В этой ситуации выступающий призвал разобраться: «Что привело Сталина к диктаторству? В период борьбы с троцкизмом Сталин мог найти твердую линию в этой борьбе против врагов партии. В этой борьбе Сталин вел непримиримую линию, будучи генеральным секретарем. ЦК сплачивал партию и Центральный Комитет. В борьбе с врагами партии проводилась твердая политика построения социализма в нашей стране достижения в этой части подняли авторитет и возвеличили Сталина. Сталин в силу такой обстановки и в силу личных качеств окружил себя некоторыми людьми типа Берия, только доверял им в последние годы. Сталин далек от масс, а провокационные действия Берия и его шайки фабриковали разные материалы на честных и преданных делу партии людей».

Вместе с оценкой деятельности И. В. Сталина ряд выступающих призывали к более критическому осмыслению окружающей реальности. В частности, Б. И. Овчаренко, говоря о работе радио, обратил внимание, что «лакировка фактов и прихорашивание действительности до сих пор имеет место» (ЦГАИПД СПб. Ф. 6539. Оп. 2. Д. 1. Л. 18–21).

На партийном собрании садово-паркового комплекса Петродворца также прошло обсуждение решения XX съезда КПСС. Выступающий М. К. Виноградов подчеркивал, что ему, коммунисту с 1929 года, непонятно, почему партия не могла разоблачить ошибки Сталина. В этом с ним согласился другой выступающий — М. А. Григорьев, — который подчеркивал, что если Иосиф Виссарионович был виноват, то почему ЦК КПСС не мог по этому вопросу обратиться к коммунистам. Вместе с этим А. М. Григорьев акцентировал внимание на отношении руководства к своим подчиненным. Он подчеркивал, что ряд руководителей Петродворца свысока относятся к работникам парка.

Вместе с категорическими репликами звучали и более взвешенные мнения. В частности, В. И. Волнягин отметил, что только в последний период своего руководства И. В. Сталин отошел от заветов В. И. Ленина и допустил ошибки. В этом же выступлении подчеркивалось, что ЦК партии вовремя и смело вскрыл ошибки (ЦГАИПД СПб. Ф. 3712. Оп. 6. Д. 4. Л. 38. Протокол № 12

общего закрытого партийного собрания партийной организации дирекции дворцов-музеев и парков Петродворца от 19 июня 1956 года).

XX съезд КПСС и поднятый на нем вопрос о культе личности привел не только к появлению различных точек зрения относительно И. В. Сталина, но и в целом изменил политический климат в стране. Начали создаваться условия, при которых выражение своих мыслей могло происходить в более свободной обстановке, а политическая повестка дня могла выходить за границы, обозначенные властью.

Например, подобная ситуация возникла при обсуждении произведения В. Д. Дудинцева «Не хлебом единым» в библиотеке ДК им. А. М. Горького. При проведении читательской конференции сотрудники библиотеки потеряли контроль над обсуждением произведения, более того, приглашенные посетители не очень активно выступали на обсуждении, но, как отмечается в документе, активность проявили «посторонние». Именно они на обсуждении произведения излагали слушателям свои проблемы и трудности. Как отмечалось в протоколе, «получилось не обсуждение книги, а на отдельных примерах охаивали нашу действительность, выступили “обиженные” товарищи. В. Д. Дудинцев их поддерживал. Обсуждение было пущено на самотек, кто что хотел тот и говорил» (ЦГАИПД СПб. Ф. 1388. Оп. 3. Д. 14. Л. 3. Протокол № 7 партийного собрания ДК им. А. М. Горького от 16 января 1957 года).

На партийных собраниях обсуждали не только политические изменения в стране, но и социальные болезни. К одной из них относилось казнокрадство. Коррупционная проблематика возникает в повестке дня ленинградца после появления письма ЦК КПСС о министре культуры СССР Г. Ф. Александрове, в котором затрагивалась проблема «материально-бытовых излишеств в жизни руководителей страны».

После прочтения этого письма на закрытом партийном собрании Государственного Русского музея 31 марта 1955 года последовало обсуждение, в ходе которого Сметанников заявил, что значительный разрыв в зарплатах между рядовыми гражданами и руководителями недопустим. Им указывалось, что большинство членов партии в материальном отношении очень ограничены, а те, кто упоминался в письме, располагали огромными зарплатами. В силу этих обстоятельств выступающим ставится вопрос: «Для чего это нужно? Зачем эти явно излишние деньги?» Сам отвечая на поставленные вопросы, Сметанников отмечает, что «высокие зарплаты развращают людей и их детей. Это не воспитывает любовь к труду, бережливости».

В выступлении другого участника заседания — Камчугова — отмечалось, что материальные излишества и высокие заработные платы ряда руководящих работников приводят к моральному разложению. Несмотря на то что его выступление протоколировалось, он не стремился чеканить каждую свою фразу и высказывался очень эмоционально: «Люди жируют, теряют чувство

меры, они не видят трудностей жизни, переживаемых миллионами советских людей, отрываются от народа, становятся соучастниками различных интриг и оргий сомнительного качества. Почему министры, секретари обкомов, горкомов, руководители советских органов получают чрезвычайно большие оклады? За какие заслуги перед Родиной и народом они поставлены в исключительно благоприятные материальные условия? ...В самом деле, такой руководитель помимо основного оклада получает еще два оклада на квартиру в конверте. С этих двух окладов, получаемых тайно, и членские взносы не платит, налогов с него не удерживают, на заем он не подписывается». Вообще отмечалось, что со сверхвысокими окладами у руководства необходимо покончить.

Выступающий подчеркивал, что часто рассмотрение жалоб граждан на недостойное поведение руководителей происходит формально. В качестве примера он приводит отправленное им письмо на адрес ЦК КПСС с жалобами на руководителей обкомов, которое было перенаправлено на рассмотрение руководителю областного комитета партии, о котором речь шла в письме.

Взявшая слово для выступления Химунина рассказала присутствующим, что в 1954 году направила на имя Н. С. Хрущева и Г. М. Маленкова письмо, в котором отмечала, что есть определенная несогласованность идеологии с практикой. В частности, она указывала, что если советское общество сейчас живет в период перехода от социализма к коммунизму, то почему до сих пор существует разница в оплате труда: начальство получает в 50–60 раз больше, чем рядовой сотрудник. Но на это письмо ЦК ей не ответил (ЦГАИПД СПб. Ф. 4406. Оп. 6. Д. 4. Л. 9–10. Протокол № 7 закрытого партийного собрания Государственного Русского музея от 31 марта 1955 года).

Религиозные вопросы также вызывали интерес советских граждан. Так, на партийном собрании Областного управления культуры Леноблсисполкома в 1954 году выступающий Пази отмечал активизацию деятельности церковных учреждений в первой половине 1950-х годов. Он обратил внимание присутствующих на две вещи. Во-первых, по сравнению с учреждениями культуры, где грязно и неуютно, храмы, напротив, содержатся в чистоте. Во-вторых, служители церкви находят новые способы привлечения ленинградцев к церкви, а сотрудники учреждений культуры работают по-старинке и не стремятся разнообразить свою деятельность.

Поддержал докладчика и наглядно продемонстрировал свои тезисы выступающий Сивцов, который отметил, что значительное количество комсомольцев и коммунистов справляют религиозные праздники, ходят в церковь и крестят детей. Вместе с этим учреждения культуры допускают ошибки при работе. Так, когда наступает время церковных праздников, ряд клубов не работает. Кроме того, он отметил и более активную работу служителей церкви с населением. Выступающим приводился пример, когда представитель церкви в одном из рыболовецких колхозов сам ходил к рыбакам, чинившим сети и вел с ними беседы

об их жизни и рассказывал им о религии. В свою очередь, сотрудник местного клуба не делал этого, а ждал, когда они к нему придут сами.

Другой интересный пример в отношении религиозного вопроса приводится на закрытом партийном собрании партийной организации Русского музея 15 февраля 1960 года. Он возник в результате рассмотрения персонального дела М. Н. Макарова. Докладчик И. А. Львов отмечал, что М. Н. Макаров с 1952 по 1957 год занимался реставрацией трех действующих церквей. За это партийное собрание объявило выговор и поставило вопрос о выводе «церковного реставратора» из состава партбюро, где он выполнял секретарские функции.

После выдвинутого обвинения были заданы вопросы, один из которых задал Попов. Выступающий хотел узнать, кто должен реставрировать произведения искусства в действующих церквях, если это не разрешается коммунистам и беспартийным. На такой, в определенной степени дерзкий, вопрос, ответил Львов, указавший, что одно дело реставрировать иконы, написанные Рублевым, а другое — иконы, не имеющие никакого отношения к искусству. Вместе с этим участница собрания Химунина отметила, что она была у уполномоченного по делам церкви Чернова, который отметил, что церкви должны сохраняться в порядке и поэтому инспекция требует восстановления памятников, но, если церкви не будут восстанавливаться, их можно закрыть.

После череды вопросов слово было предоставлено М. Н. Макарову. Объясняя проведенную им реставрацию картин, он отмечал, что является реставратором уже 27 лет и ошибка его состояла в том, что он считал необходимым реставрировать все работы. Он не предполагал, что церковь закроют в случае отсутствия в ней реставрации. Но М. Н. Макаров подчеркивал, что и музей допустил ошибку, передав в лавру ряд петровских икон. Коллега Макарова Суслов спрашивал: «Как шли Вам заказы? Через Инспекцию?» На эти вопросы последовал ответ: «Инспекция предлагает собору провести реставрационные работы, а духовенство приглашает уже определенных людей» (ЦГАИПД СПб. Ф. 4406. Оп. 7. Д. 14. Л. 5. Протокол № 6 заседания партийного бюро парторганизации Государственного Русского музея от 11 февраля 1960 года).

Воспитание молодежи относилось к важным вопросам, стоящим перед властью, обществом и каждым взрослым человеком. Молодые люди в силу возрастных, культурных и психологических особенностей подвержены определенному отклонению от принятых в обществе норм поведения. Примером подобного явления среди подрастающего поколения может послужить ситуация в Измайловском парке. Библиотекарь 74-го ремесленного училища отмечала, что после концертов молодежь начинает танцевать. Но определенная часть молодых людей делает это крайне безобразно — с папиросой в зубах и в определенный момент танцы превращаются в кривляние.

Вызывающее поведение части молодых ленинградцев возмущало посетителей и сотрудников ЦПКиО им. С. М. Кирова. В частности, Паперина отмечала,

что в парке хулиганит молодежь, а милиция никак этому не препятствует. Более того, она приводит пример, когда милиция очень снисходительно отнеслась к хулиганствующей молодежи и очень грубо общалась с работниками парка, пытавшимися получить помощь от милиции. Поддержал выступление Папериной и Гуров. Он сообщил: «Обратился к дежурному милиционеру с просьбой оказать содействие для прекращения безобразий хулиганствующей молодежи, но вместо помощи милиционер мне наговорил грубостей, подозвал другого милиционера и начали угрожать меня отправить в отделение милиции».

Федоров отметил, что в борьбе с хулиганством сотрудники правоохранительных органов бездействуют и рассказал случай, когда его помощник Кириллов пытался задержать нарушителя порядка, а проходивший патруль не оказал содействия (ЦГАИПД СПб. Ф. 3527. Оп. 4. Д. 2. Л. 11–11 об. Протокол № 3 заседания партийного бюро ЦПКиО им. С. М. Кирова от 10 июля 1952 г.).

Девиантное поведение не могло быть принято обществом, поэтому работали социальные механизмы, которые были призваны выработать у молодежи социально приемлемую модель поведения. Результативность подобных мероприятий обсуждалась сотрудниками учреждений культуры.

Например, в 1954 году работники ЦПКиО им. С. М. Кирова на партийном собрании обсуждали поведение детей нескольких сотрудников. Шнеерсон отмечал, что всего в коллективе у сотрудников 17 детей, которые занимаются в школе хорошо, а их поведение вполне удовлетворительное. Он приводил примеры хороших семей, например семьи Туркиных, в которой было четверо детей и все они успешно справлялись с учебой.

Вместе с положительными он привел и отрицательные примеры воспитания подрастающего поколения. Так, трудности в воспитании возникли у Хренникова. Его сын долгое время не учился, но на момент проведения заседания он начал учиться в школе ФЗО.

Другой пример касался дочери сотрудницы Бычковой. Оказалось, что ее дочь много пропускала занятий, систематически не готовилась к ним. А сама Бычкова не контролировала учебу своей дочери.

От поведения детей перешли к обсуждению профессии педагога. Верховская отмечала, что авторитет педагога для ребенка должен иметь большое значение, но, к сожалению, в профессию пришли случайные люди. Отмечалось, что необходимо добиться сплоченности педагогического коллектива.

Внимание выступающих акцентировалось на том, что и сами взрослые мало времени уделяют воспитанию молодежи и боятся делать замечания (ЦГАИПД СПб. Ф. 3527. Оп. 5. Д. 1. Л. 25–26. Протокол № 1 партийного собрания парторганизации ЦПКиО им. С. М. Кирова от 28 мая 1954 года).

Приведенные высказывания работников культурно-просветительных организаций следует рассматривать как частное мнение и не экстраполировать их на широкие слои населения, но в то же время они демонстрируют определенное критическое восприятие реальности частью советского общества.

Литература

1. Аксютин Ю. В., Пыжиков А. В. Постсталинское общество: проблемы лидерства и трансформация власти. М.: Науч. кн., 1999. 412 с.
2. Гуревич А. Я. Избранные труды. Культура средневековой Европы. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. 542 с.
3. Жиromская В. Б. Жизненный потенциал послевоенного поколения в России: историко-демографический аспект: 1946–1960. М.: РГГУ, 2007. 311 с.
4. Пoлынов М. Ф. Исторические предпосылки перестройки в СССР. Вторая половина 1940 – первая половина 1980-х гг. СПб.: Алетейя, 2010. 512 с.
5. Шестаков В. А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов. М.: Наука, 2006. 293 с.
6. Яров С. В. Россия в 1917–2000 гг. М.: Центрполиграф, 2014. 510 с.

Literatura

1. Aksyutin Yu. V., Py'zhikov A. V. Poststalinskoe obshhestvo: problemy' liderstva i transformaciya vlasti. M.: Nauch. kn., 1999. 412 s.
2. Gurevich A. Ya. Izbranny'e trudy'. Kul'tura srednevekovoj Evropy'. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2006. 542 s.
3. Zhiromskaya V. B. Zhiznenny'j potencial poslevoennogo pokoleniya v Rossii: istoriko-demograficheskij aspekt: 1946–1960. M.: RGGU, 2007. 311 s.
4. Poly'nov M. F. Istoricheskie predposylki perestrojki v SSSR. Vtoraya polovina 1940 – pervaya polovina 1980-x gg. SPb.: Aleteya, 2010. 512 s.
5. Shestakov V. A. Social'no-e'konomicheskaya politika sovetskogo gosudarstva v 50-e – seredine 60-x godov. M.: Nauka, 2006. 293 s.
6. Yarov S. V. Rossiya v 1917–2000 gg. M.: Centrpoligraf, 2014. 510 s.

F. K. Yarmolich

A Private View of the Surrounding Reality

(on the Materials of the Minutes of the Meetings of the Primary Party Organizations of the Cultural and Educational Institutions of Leningrad in the 1950 s)

The article based on the minutes of the party meetings of a number of Leningrad cultural institutions examines the views of Leningraders on the political, social and everyday problems of the 1950s. Discussing political issues, the average man expressed his opinion, which was not always consonant with the attitudes of power. Until 1956, freedom in expressing the thoughts of a person in social space was limited. After the XX Congress of the CPSU, the public dialogue became more free. Together with political topics at party meetings, Leningraders also discussed other pressing issues: high salaries of bosses, religious issues, and youth education. The views of ordinary citizens of Leningrad on these issues allow us to look at the social processes in the USSR as a whole from a different angle.

Keywords: communication; protocol; party meeting; conversation; philistine.